СООТНОШЕНИЕ ВОСХОДЯЩИХ И НИСХОДЯЩИХ ФОРМ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ИДЕОЛОГИИ

УДК 1

В.А. ЖИЛИНА

Главная особенность социального бытия среди других типов бытия – обязательное снятие человека в качестве субъекта. Человек в самом общем понимании есть культура. Поэтому анализ социального бытия неизбежно означает погружение в поле культуры. Отсюда предельность понимания субъектности бытия – рассмотрение человека как носителя культуры, воплощающей собственно человеческий способ существования.

В самом общем плане субъект как характеристика человека аккумулирует все, чем способен быть человек и, соответственно, что он может сделать. И если трансцендентальный субъект классической философии предельно обобщает возможности духа человека, то неклассическая философия старается совместить в субъекте общее с уникальным. Экзистенциально полно структурирует субъекта герменевтическая школа. Здесь под субъектом понимают как минимум четыре ипостаси человека: субъекта речи, субъекта рассказа, субъекта действия и субъекта ответственности [1]. Первый уровень субъекта позволяет человеку обозначить себя в мире (при учете всех отличий от животного мира). Второй – характеризует человека как автора собственной жизни. Третий – предполагает активное вмешательство человека в мир и собственную жизнь. Четвертый – это возможность рефлексии над собственным бытием.

Исторически детерминированная группа как совокупность субъектов идеологии своей экзистенцией раскрывает формальность бытия идеологических процессов.

Субъект идеологии вырастает из следующего. Вмешательство в собственную жизнь и мир представляет собой не что иное, как целостное разумное конструирование человеком собственной среды обитания. Всякая деятельность в своей сути предметна. Именно развитие обособления предмета деятельности одновременно с закреплением основных способов овладения ими и составляют основные характеристики субъекта. Следовательно, субъект ответственности в предпринятом анализе будет предполагать сознательную соотнесенность собственной уникальности с общими закономерностями уникальности мира.

Одновременно субъект идеологии может и должен быть обозначен именно как «группа», так как деятельность и есть своеобразное субстанционально конституирующее начало социального и идеального бытия. Тогда исторически детерминированная группа вводима для раскрытия субъектной грани бытия идеологии не только как дань традиции. Ее определенность подчеркивает целостность и уникальность бытия человека и одновременно определяет его неразрывную связь со всеми другими типами бытия. Содержательно субъект ответственности детерминирован тем фактом, что человек – единственное существо, знающее, что оно конечно, и одновременно постоянно стремящееся к вечности. Формально – тем, что данная характеристика субъекта идеологии в определенной степени сама выступает способом реализации трех предыдущих. Таким образом, очевидно, что в условном структурировании субъекта в основе лежит онтологический процесс «опредмечивания – распредмечивания».

Поэтому на всех этапах развития субъект предстает единым в своих проявлениях, которые подвижны и периодически сменяют друг друга в качестве доминирующих факторов. Такое понимание субъекта идеологии может служить реальным основанием многих направлений исследования социального бытия: оно способно по-иному представить течение истории, развитие культуры, цивилизации. Оно свободно от узости научных подходов к человеку и одновременно с этим далеко от привычно рационального философского упрощения человеческого бытия. Снятие в субъекте идеологии «группы» фактически являет «общественное» в универсальном значении, тем самым реально закрепляет собой общность «человеческого» в человеке. Многогранность «групп» пересекающихся в единичном субъекте детерминирует свойства общества через эти взаимодействия. Последнее предопределяет неравномерность процессов развертывания экзистенциальных характеристик субъекта. Специфика конкретного проявления атрибутивности идеологии, в свою очередь, во многом зависит от их взаимодействия.

Если, например, обратиться к истории философии, то традиционное рассмотрение ее развития сугубо внутри философского знания может не совпадать с анализом, в основании которого лежит именно идеологический субъект. Например, общепринята оценка космоцентризма ранней философии как созерцательного отношения к миру. Неслучайно вводимое здесь понятие «теория» и означает созерцание. Созерцание, в свою очередь, предполагает определенную пассивность, отграниченность «я» от мира, что фактически однозначно свидетельствует о доминировании субъекта речи. Причем последнее хорошо вписывается в общепринятый научный подход, когда формирование речи выступает необходимым условием самого становления человека. А в философии, казалось бы, об этом свидетельствует учение об идеях Платона. На самом деле, на наш взгляд, во всей рабовладельческой философии в субъектном воплощении идеологии происходит акцентирование субъекта действия. Это достаточно четко прослеживается и в ее содержании и отвечает простой логике вещей: только развивая собственную деятельность, человек получает возможность узреть собственную уникальность в этом мире. При допущении такого доминирования субъекта действия, в свою очередь, становится понятным, почему при принципиальном отличии восточная и европейская философия в сущностном осмыслении мира имеют множество общих черт. «Исправление имен» Конфуция наряду с признанием доминанты прошлого над настоящим, казалось бы, должно настраивать на созерцательный лад в отношении мира и собственного бытия. Но неслучайно само изложение учения Конфуций намеренно делает неотъемлемым от собственной жизни, подчеркивая ее кочевой характер. «Жэнь» как человеческое в самом человеке разворачивается через дорогу к благородному мужу. Об активно деятельном отношении к себе и миру и свидетельствует определенный культ «ли» в конфуцианстве. А вот субъект речи, рассказа и ответственности здесь только обозначены незначительными штрихами. Заметим, что здесь еще нет и появившегося позднее общественного субъекта. И в афоризмах, и в притчах Конфуция обращение идет к индивидуальному человеку. Однако значим не он, а родовое положение человечества в целом. И это не свидетельствует о противоречивости системы, непоследовательности учения Конфуция. Это является закономерным проявлением состояния идеологического субъекта в его «групповом» аспекте. Основной принцип другой известной восточной философской системы – даосизма – «у-вэй» заставляет изначально предположить созерцательность как основное развертывание «совершенномудрия». Но гармония, обусловленная дао, предполагает культ движения, и тот из людей его претворяет в собственном бытии, кто достиг в этой области совершенства: двигаться подобно листу с дерева, не затрагивая никаких граней мира. Кроме того, деятельность полностью предметна, так как без постижения собственной предметности она не будет собственно деятельностью. Но в остальном: переход от собственного сознания к реальности мира тождествен переходу от мира к сознанию. И субъект, действуя, не может четко определить, что есть он. При этом именно в момент действия (предметность сна) субъект чувствует определенность «я». А в момент действительного созерцания определенность пропадает, она предстает как необходимая предзаданность. То есть получается, что в момент сна человек имеет дело с чистым сознанием, в котором нет ни бабочки, ни Чжоу. В непробужденном (созерцание действительности без осознанного «я») между Чжоу и бабочкой пропасть. И только в просветленном (итог действия) Чжоу – это Чжоу. И в греческой традиции теория – не столько отвлеченное созерцание, сколько предмет видения мира, к которому направлен человек. Логос и миф живут единой жизнью. Восходящее развитие демонстрируют собой закономерности Логоса. Поглощенность человека мифологией проявит себя в нисходящем аспекте развития социального бытия.

Существующие формы искусства вбирают в себя диалектику этих двух направлений развития. Искусство тем значимо для человека, что позволяет через единожды смоделированную ситуацию прожить, почувствовать множество жизней в экзистенциальной данности одной. Развитие неопределенности человека в незавершенности его бытия, в доминировании активности по отношению к миру имеет нисходящую характеристику, а в определении собственного «я» через идеологического субъекта – восходящую.

1. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996 . № 4.